

РУКОВОДИТЕЛЮ СЕКРЕТАРИАТА
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ИЛЮШИНУ В.З.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Во время нашей продолжительной беседы с Президентом, о чем, по его желанию, прошла информация в средствах массовой информации, была достигнута договоренность о моем неофициальном отчете об этой встрече для возможного последующего опубликования.

Прошу Вас передать этот текст Борису Николаевичу и изучить внимательно некоторые деликатные аспекты, которые содержатся в моей работе с естественной соответствующей правкой.

Если Вы вместе с Президентом сочтете полезным и нужным опубликовать этот материал, и полагаю это лучше всего сделать в "Известиях". Еще одна просьба: газетный материал быстро стареет.

С уважением,

Член Президентского консультативного совета

Секретарь СД РФ

Захаров

И.А. ЗАХАРОВ

N 03 096

15
Спросоматренио.

Продуктомельны некот.

изменения

[NETO 19922]

139

B apxub

ВИЗИТ К ПРЕЗИДЕНТУ

У меня есть благовидный предлог. Я должен передать Президенту Первую гуманитарную награду Американского фонда исполнительского искусства. 30 марта в Лос-Анжелесе в роскошном зале "Бeverли Вильшер" состоялась пышная церемония вручения премии, учрежденных фондом. По традиции она проходила синхронно с присуждением знаменитых Оскаров, с поддержанием прямого телевизионного контакта, после чего большая часть награжденных кинозвезд пребывает в расположенных по соседству "Бeverли Вильшер", где праздник завершается вручением специальных наград выдающимся людям США и других стран.

На этот раз все внимание сосредоточено вокруг всемирно-исторических преобразований в России. Попечительский совет Фонда учреждает впервые в своей истории Первую гуманитарную награду для В.И. Ельцина. "В знак признания, - как шутят американцы, - его мужества и смелости по пути к демократии, на которую вступили он и его народ". Особое значение при этом придастся выдающейся роли, которую сыграл В.И. Ельцин в августовских событиях 1991 года.

Акт волнующий и торжественный, особенно для меня, потому что я оказываюсь тем представителем Российского Президента, который должен по его поручению принять красивую и очень тяжелую металлическую статуэтку и, разумеется, что-то сказать при этом, но без бумаги, очень коротко, с улыбкой и обязательно в смокинге. Таковы традиции и я вместе с администрацией Московского Деннома изо всех сил стараюсь им соответствовать, хотя бы по линии смокинга, заводить который

всегда считал преждевременным, несмотря на перестройку и радикальные реформы правительства Е.Гайдара. Кажется забавным, что именно меня Президент командировал в Голливуд (правда, за счет принимающей стороны). Несмотря на участие в некоторых заседаниях Президентского консультативного совета (на общественных началах), никогда не чувствовал себя человеком, которому поручат столь почетную миссию.

Все это я зачем-то рассказываю Борису Николаевичу, понимая, что теряю драгоценное время на личные эмоции и иронию, без которой обойтись не могу даже в самых торжественных случаях. Однако, Президент, к моему удивлению, ~~меня не терпит, наоборот~~ делает вид, что сегодня нет ничего важнее, как выслушивать мои сбивчивые суждения по поводу торжества в "Беверли Вильшер". ~~Его веселое настроение меня удивляет, но и бесконечно радует, ибо~~ ^{В это время} Кремль в это время содрогается под напором "партийно-хозяйственного актива", возомнившего себя суперпарламентом и сосредоточившим все силы для обратного переименования Санкт-Петербурга в Ленинград.

"Сколько актуальных задач поставило перед собой это уникальное собрание выборщиков!" - думаю я, но от критики депутатов пока воздерживаюсь. Сам бывший депутат и хорошо знаю, как трудно дилетанту добровольно отказаться от законодательных амбиций и участия в телевизионных приветях и выкриках.

Рассказываю об удачных переговорах, которые провели с деловыми кругами Лос-Анжелеса Владимир Киселев из Санкт-Петербурга и коммерческим директором "Собеседника" Левон Абрапетян. Первый сорокатонный груз с гуманитарной помощью для детей северной столицы прибывает в самое ближайшее время. Первый, но не последний. Я упоминаю о сложной драматургии в деятельности Американского Фонда, о показавшейся нам некоторой административной несогласованности в организации

термества, но отдаю должное господину Мишелю Литвану, который принадлежит к племени тех богатых и талантливых людей, которые умело соединяют бизнес и культуру.

Последнее словосочетание - из моего краткого благодарственно-го слова, которое я беру на себя смелость произнести от имени тех деятелей российской культуры, кто поддерживает своего Президента в его нелегкой борьбе за радикальные государственные преобразования. "Тот, кто служил своему времени, служит всем временам" - вспоминаю я понравившееся мне изречение, принимая награду для Президента. Вообще со сцены говорю, по-моему, складно, потому что коротко.

Борис Николаевич делает вид, что я выполнил, если и не самое важное государственное поручение, то, во всяком случае, достаточно деликатное. Весело и чуть шутливо благодарит. Я тоже благодарю с тем расчетом, что смокинг всегда наготове и если следующая премия будет присуждена в таком же престижном месте, как Голливуд - Президент может на меня положиться.

Потом речь сразу заходит о судьбах отечественной культуры, разумеется уже без всякой иронии. Начинаю перечислять все беды, что свалились на нашу голову, в связи с изменением экономической ситуации, о той угрозе, которая нависла над многими российскими театрами, и, вообще, очагами культуры. Борис Николаевич кивает и супрачно молчит. Конечно, во мне просыпается всем нам присущий "просительский рефлекс", и я жалуюсь Президенту, что хорошо бы иметь и то, и другое, и что не все ответственные люди в руководящих инстанциях понимают, что серьезный репертуарный театр с постоянной труппой, чем всегда славился российский театр, - не может быть прибыльным предприятием. Московское правительство и Ю.М.Дуков это понимают, но ведь Москва - еще не вся Россия. Специфика

российского театрального дела зачастую не учитывается в нашем общегосударственном законодательстве, нет специального и хорошо разработанного правового регулирования, мы очень отстали от цивилизованных стран по вопросам социально-правовой защиты творческой интеллигенции. Прекрасно, что на месте сомнительного ВДАН появилась новая организация: Российское Агентство Интеллектуальной Собственности (РАИС) с высокoproфессиональным руководством, но ведь в Бернскую конвенцию пока не вступаем! А самостоятельно разработать подобные правовые механизмы, в том числе по защите авторских и смежных прав — это долгие годы труда специалистов, которых почти нет в стране.

Президент печально и доверительно сообщает мне, что чувствует себя должником перед отечественной культурой, но пока, увы, не в силах сделать все необходимое, что требуется. "Чуть-чуть потерпеть, стиснуть зубы, пройти самую ^{не легкую} тяжелую фазу в наших радикальных преобразованиях и тогда многое изменится" — примерно такие слова.

Теоретически я это понимаю. Можно, конечно, успокоить себя тем, что в тяжелом положении оказались не только деятели театра. Но у меня это не получается. Цеховые пристрастия берут верх.

Чтобы не выглядеть безнадежным нытиком, говорю Президенту, что творческого кризиса в театральном российской жизни я по-прежнему не наблюдаю. Идет мощным и небезопасным слом старых механизмов и вкусов. Современники всегда были недовольны театром. Но раньше штатные критики поднимали до небес некоторые спектакли на так называемую рабочую тему — поэтому казалось, что шедевров было больше. Шедевров было больше, а информации меньше. Времена изменились, и все кажется начинает понимать, что истинных театральных событий всегда и везде было немного. Как у нас, так и на Бродвее.

"Когда увидим новые спектакли Московского Ленкома?" — спрашивает Президент.

"Только что выпустили для детей "Бременских музыкантов" - говорю я с таким видом, как будто история России пошла после этого события по другому руслу.

Стенать по поводу новых цен на краску и гвозди больше не хочется. ~~И я ищу чем порадовать Президента.~~

"По-моему братья-кинематографисты приготовили новые сюрпризы. Только что посмотрел на "Мосфильме" еще не законченную работу продюсера В.Достала и режиссера С.Говорухина, называется "Россия, которую мы потеряли". Очень похоже на документальное кино, но сдается мне, что это не кино, а что-то другое. Похоже, на наших глазах рождается новый вид искусства. Исследование субъективное, философское, пронзительное и оглушающее, словом - неопознанный эстетический объект. Я не сторонник того, чтобы "к штыку приравняли перо", но, по-моему, на "Мосфильме" создано мощное оружие в борьбе за великую, неделимую и процветающую Россию. Борис Николаевич! Посмотрите, как можно скорее, пусть фильм еще не сведен на одну пленку!"

Борис Николаевич делает вид, что ищет под столиком, за которым мы сидим в его кабинете тальную кнопку для экстренного вызова Достала и Говорухина. Мы смеемся, и я очень радуюсь, что Президент ^{хотел бы нами} может ~~отвлечется~~ от Бабурина и Макашова, ~~чего не удается~~ ~~здесь.~~

После этого я, по-моему, проявляю невоспитанность, потому что некоторое время мы говорим одновременно.

Борис Николаевич - с тем, что чем больше он размышляет о нашем Отечестве, тем больше верит в самый ближайший подъем и расцвет русского могущества. А я почти наизусть вспоминаю светлую мысль мудрого историка В.О.Ключевского: "Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на

ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и волютит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно историческую дорогу."

Потом почему-то опять про Америку:

"С Бушем дружба?"

"Пока нет".

~~"Не хочет дружить?"~~

~~"Нет. (пауза). Я не могу."~~

Не считая удобным делать какие-то записи во время беседы, сейчас и в дальнейшем цитирую очень приблизительно по памяти.

"Когда мы остались втроем, с его переводчиком, - неожиданно промывает Борис Николаевич, - я сказал, что ~~не готов к честному~~ ^{не могу покадать твердых гарантий} сотрудничеству. Наверное, среди политиков это не принято, но я сказал: мы Вас, господин Буш, ^{все еще} обманываем. Мы обещали ликвидировать бактериологическое оружие. ^{Но} Некоторые наши эксперты сделали все возможное, чтобы я не узнал правды, ^{было нелегко} но я их перехитрил. Поимал с полничком. Нашел два полигона. Засевают грядки сибирской язвой, потом пускают туда зверье и смотрят: как и когда животные дохнут. Моя забота, чтобы эти ученые, среди которых, возможно, есть и гении, направили свой талант в другом направлении, а смертельная угроза, нависшая над некоторыми районами страны была бы грамотно ликвидирована. Но это не все. По количеству ядерных зарядов мы тоже повели себя, как бесчестные люди. Так воспитаны. Обманули по количественному составу армии и обещанному сокращению. Специально записали состав вооруженных сил, чтобы фактическое сокращение было меньше обещанного".

Информация была ошеломляющей. И я, придя в себя, спросил про Буша, как он реагировал.

а творцам."

Счень захотелось узнать что-нибудь про Японию, куда собирается Борис Николаевич и где я никогда не был.

"Планета наша прекрасная, - сказал я Президенту, позволив себе монотон, - но на пределе своих экологических возможностей, а мы ее все никак поделить не можем! Рядом, на Востоке - не просто мощный сосед, по-существу, другая цивилизация. Как можем мы не воспользоваться предложенным нам совместным Созиданием? Ведь наш Сахалин и Приморье за считанные годы могут превратиться в земной рай! Сколько же десятилетий, а, скорее всего, столетий надо страдать, захлебываясь в промышленных отходах, чтобы выйти на технический и научный уровень Японии 92 года?"

Президент вздохнул, но говорить про Японию не захотел. Тяжелая тема.

"Скоро у Вас там переговоры. - Я уже не мог остановиться. - Японцы, конечно, напомнят про обещание Хрущева вернуть несколько клочков суши из Ясно-Курильской гряды, которые мы завоевали в 1945 году. Что Вы им скажете?"

Президент справедливо уклонился от быстрого ответа на дилетантский вопрос. Сказал сперва о другом:

"Есть проект великого "шелкового пути", который свяжет нас с Японией через дружественные среднеазиатские государства и Китай. Японцы, похоже, готовы к его быстрой совместной реализации!"

Я решил, что иногда надо поспорить и с Президентом:

"Не получится! Слишком много у нас амбиций по поводу этих курильских клочков. Застарелая болезнь: чуть что - мерещится, что распродаем Россию. Средневековая психология! А русский промышленный подъем, печально завершившийся в 1917 году, был построен на теснейшем сотрудничестве с европейским капиталом. И тогда русские

самородки-предприниматели, талантливые промышленники этого не боялись, потому что видели, что богатеет вместе с ними государство и его народ. Извините за хрестоматийные примеры!"

"Извиняю, - улыбнулся Президент. С умными людьми я договариваюсь. Военные специалисты давно поняли, какое значение имеют эти скалы для японского престижа. Великая нация ютится на крохотной территории. Но главное: отвоевание и отнятие у японцев острова, в стратегическом отношении для нас сегодня роли не играют".

"Хрущев проявлял себя подчас, как мудрый политик, - сказал я, стараясь не вспоминать, как он стучал башмаком по трибуне. - Он признал перед лицом мирового сообщества, что это наш долг, который надо отдавать. Ведь негодующий крик можно было поднять и по отношению к омантому русской кровью Порт-Артуру, который мы возвратили Китаю. Но сдержались! Почему теперь позволяем себе кричать: не нужна нам Япония? Не надо нам ее техники, сплывшей в электронике с импортировкой! Обойдемся своей смекалкой! Может быть, лет через пятьдесят-это и, действительно, обойдемся, но не сейчас! Ведем себя, как бабушки, размахивающие знаменами у музея Ленина и перед носом у депутатов!"

"Бабушек не трогайте, - укорил меня Борис Николаевич. - Их можно понять. Жизнь трудная. А их подвозят прямо к месту, где надо идти, прищипывают!"

Эти так
"Понятно, что не задержим, но как можно допускать оскорбительные плакаты? Не пробовали бы они поднить голос на английскую королеву! Должно быть четкое законодательство с нанесением морального ущерба и активное его внедрение в практику судопроизводства, иначе сталинские экстремисты и анархисты всех мастей почувствуют себя безнаказанными."

Тут я задумался. Уж не надоел ли я Президенту? Хотя он виду не показал, просто объяснил по-человечески, что ни с кем судиться не будет, это глубоко противно его характеру.

"Но дело не в Вас, Борис Николаевич, если во-время не ударить по подстрекательским воззваниям, если терпеть возведенное в норму агрессивное хамство - из правового невежества никогда не выберемся. Тут прямая связь с расширяющимися криминогенными зонами, которые сейчас методично уничтожают наших граждан и правоохранительные органы."

"Об этом знаю. Дайте срок - укрепим милицию по последнему слову техники, защитим здоровье, жизнь и честь тех, кто стоит на страже закона".

"Налоги снижать будете?"

"Обязательно".

"Почему такая страшная разница между государственной и частной собственностью?"

"Потому что совсем недавно союзный Президент о частной собственности не мог и слышать. Я принимал тяжелые удары, отстаивая это, ~~визнтражданное мировое нетерпение~~ священное человеческое право".

"Рэкетир не пойдет на Камаз или завод "Красный пролетарий". Он наглет, но не настолько, чтобы шантажировать государственные предприятия. Сфера его дохода - мелкий предприниматель. Сейчас еще им становятся только люди со стальным характером. Должно быть одинаковое законодательство, а пока хоть провозгласить декларацию о священной частной собственности, которое государство обязуется защищать, используя все свое могущество".

Я решил в азарте, что у Президента мало дел, и он должен выслушать все мои страстные сентенции. Но Президент очень скоро заговорил о другом.

150

II

"Большая личная боль — положение наших военнослужащих, — вздохнул Президент. — Хочу, чтобы они, уходя со службы, получали большие земельные наделы и строили на льготных условиях коттеджи, а не временки."

"Если их сразу будут душить Вашими налогами..."

"Нет, — твердо заявил Борис Николаевич, — в первые годы обустройства — никаких налогов. И вообще, расширенное воспроизводство во всех сферах должно быть выгодным. Налоги будем повсеместно снижать. К сожалению, ^{не сразу} постепенно! Сразу сделать все, что сейчас хочется — невозможно".

"Если бабушки, размахивающие по несколько часов изображением Ленина, начнут варить, скажем, луковый суп на продажу..."

"Бабушек больше не трогайте!"

"Хорошо. Если дедушки не почувствуют Вашей защиты, и их будут грабить рэкетеры, санэпидемстанции и местные корумпированные чиновники — страх перед спасительным для страны мелким предпринимательством остановит все их благие намерения. Съезд, который сейчас будет, по-настоящему мелкого предпринимателя и фермера не защитит. Правительству хочется симпатизировать и верить, но новый Столыпин там еще не вырос!"

Про съезд Президент что-то собирался ответить, но, махнув рукой, раздумал.

"Существуют ли аналоги наших российских съездов в мировой демократии?"

"Нет, — вздохнул Борис Николаевич. — Мы единственные в мире, кто собирает тысячное надпарламентское собрание."

Также просто невозможного пример, во Франции, —
"Иметь два парламента накладно и вредно для нервной системы. (осторожно сказал я, вспоминая неврастению и громоздочный ужас, создаваемый возбужденными дилетантами на союзных съездах. — Но,

может быть, это новая, особая демократия, как продолжение полюбившихся нам партийно-хозяйственных активов?"

"Франция - правовое демократическое государство," - улыбнулся Президент.

"Но парламент там работает один, без съезда?"

"Парламент один. Но Миттеран имеет право его распустить, если парламент потеряет мобильность и перестанет быть авангардом национального развития. И никто не заподозрит Францию, что она изменила демократическому правовому фундаменту".

"Хорошо им во Франции, - подумал я и неожиданно неосторожно спросил: - А почему так изменился Р.И.Хасбулатов?"

"Если сейчас все вопросы решим, - весело сказал Борис Николаевич, - в следующий раз будет неинтересно встречаться".

В кабинет стал ежеминутно заглядывать помощник, осторожно напоминая о назначенных встречах и совещаниях.

Мне, как никогда прежде захотелось, чтобы Президент успел совершить со своей молодой командой все самое главное, что намечено им на ближайшие суровые месяцы. Чтобы его воля, разум и юмор помогли в борьбе с наследниками ленинского беспредела. И чтобы случилось, как иногда бывает в театре и авиации - немного повезло. Ну, совсем чуть-чуть.

Хотел было сказать, что в России немало измученных и трудно живущих людей, в том числе, в многострадальной сфере культуры, которые, тем не менее, продолжают активно поддерживать и верить первому всенародно избранному Президенту великой многонациональной России. Но побоялся впасть в сентиментальность и, чтобы не уподобляться своим предшественникам, простился с Президентом так, словно для меня это обычное дело. Встречаемся и беседуем каждый день.

Борис Николаевич пожелал российскому театру мужества и успехов, но я ушел все-таки с ощущением вины, что слишком много отнял времени у этого очень простого и вместе с тем загадочного человека.

Сахаров